

Р Р1
Д70

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ф. М. Достоевскаго.

Изданіе третье.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 33.

1888.

БѢЛЫЯ НОЧИ

САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МЕЧТАТЕЛЯ)

Въ первый разъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г.,
томъ 61-й.

..... Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего?..

Ив. Тургеневъ.

Ночь первая.

Была чудная ночь, такая ночь, которая развѣ только и можетъ быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звѣздное, такое свѣтлое небо, что, взглянувъ на него, невольно нужно было спросить себя: неужели-же могутъ жить подъ такимъ небомъ разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопросъ, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вамъ Господь чаще на душу!.. Говоря о капризныхъ и разныхъ сердитыхъ господахъ, я не могъ не припомнить и своего благоправнаго поведенія во весь этотъ день. Съ самаго утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мнѣ вдругъ показалось, что меня, одинокаго, всѣ покидаютъ, и что всѣ отъ меня отступаются. Оно, конечно, всякій въ правѣ спросить: кто-жь эти всѣ? Потому что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести. Но къ чему мнѣ знакомства? Мнѣ и безъ того знакомъ весь Петербургъ; вотъ почему мнѣ и показалось, что меня всѣ покидаютъ, когда весь Петербургъ поднялся и вдругъ уѣхалъ на дачу. Мнѣ страшно стало оставаться одному, и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ, рѣшительно не понимая, что со мной дѣлается. Пойду-ли на Невскій, пойду-ли въ садъ, брожу-ли по набережной — ни одного лица изъ тѣхъ, кого привыкъ встрѣчать въ томъ-же мѣстѣ въ извѣстный часъ, цѣлый годъ. Они, конечно, не знаютъ меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю; я почти изучилъ ихъ физіономіи — и люблюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свелъ дружбу съ

однимъ старичкомъ, котораго встрѣчаю каждый Божій день, въ извѣстный часъ, на Фонтанкѣ. **Физиономія** такая важная, задумчивая; все шепчетъ подъ носъ и махаетъ лѣвой рукой, а въ правой у него длинная сучковатая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Даже онъ замѣтилъ меня и принимаетъ во мнѣ душевное участіе. Случись, что я не буду въ извѣстный часъ на томъ-же мѣстѣ Фонтанки, я увѣренъ, что на него нападетъ хандра. Вотъ отчего мы иногда чуть не кланяемся другъ съ другомъ, особенно когда оба въ хорошемъ **расположеніи** духа. Намедни, когда мы не видались цѣлые два дня и на третій день **встрѣтились**, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились во время, опустили руки и съ участіемъ прошли другъ подлѣ друга. Мнѣ тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый какъ будто забѣгаетъ впередъ меня на улицу, глядитъ на меня во всѣ окна и чуть не говоритъ: «здравствуйте; какъ ваше здоровье? іі я слава Богу здоровъ, а ко мнѣ въ маі мѣсяцѣ прибавятъ этажъ». Или: «какъ ваше здоровье? А меня завтра въ починку». Или: «я чуть не сторилъ и при томъ испугался» и т. д. **Изъ нихъ** у меня есть любимцы, есть короткіе **пріатели**; одинъ изъ **нихъ** намеренъ лечиться это лѣто у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтобъ не залічили какъ **нибудъ**, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтлорозовымъ домикомъ. Это былъ такой миленькій каменный домикъ, такъ привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ горделиво смотрѣлъ на своихъ неуклюжихъ сосѣдей, что мое сердце радовалось, когда мнѣ случалось проходить мимо. Вдругъ на прошлой недѣлѣ, я прохожу по **улицѣ** и какъ **посмотрѣлъ** на пріателя — слышу жалобный **крикъ**: «а меня красятъ въ желтую краску!» **Злодѣи!** Варвары! Они не пощадили ничего: **ни** колоннъ, ни карнизовъ, и мой **пріатель** пожелтѣлъ, какъ канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сихъ поръ не въ силахъ былъ повидаться съ изуродованнымъ моимъ бѣднякомъ, котораго раскрасили подъ цвѣтъ поднебесной имперіи.

Итакъ, вы понимаете, читатель, какимъ образомъ я знакомъ со всѣмъ Петербургомъ.

Я уже сказалъ, что меня **цѣлые** три дня мучило безпокойство, пока мнѣ я догадался о причинѣ его. И на улицѣ мнѣ было худо (того нѣтъ, этого нѣтъ, куда **дѣлся** такой-то?) — да и дома я былъ самъ не свой. Два вечера добивался я: чего не достаетъ мнѣ въ моемъ углу? Отчего такъ неловко было въ немъ оставаться? — И съ недоумѣніемъ осматривалъ я свои зеленые, за-

КОШТѢЛЫЯ стѣны, ПОТОЛОКЪ, ЗАВѢШАННЫЙ паутиной, которую съ БОЛЬШИМЪ успѣхомъ разводила Матрена. пересматриваль всю свою мебель, осматриваль каждый стуль, думая, не тутъ-ли бѣда? (потому что коль у меня хотъ одинъ стуль стоить не такъ, какъ вчера стояль, такъ я самъ не свой) СМОТРѢЛЪ на окно, и все понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумаль было призвать Матрену и тутъ-же сдѣлаль ей отеческій выговоръ за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрѣла на меня въ удивленіи и пошла прочь, не отвѣтивъ ни слова, такъ что паутина еще до сихъ поръ благополучно висить на мѣстѣ. Наконецъ, я только сегодня но утру догадался, въ чемъ дѣло. Э! Да видъ они отъ меня удирають на дачу! Простите за тривіальное словцо, но мнѣ было не до високаго слога... потому что видъ все, что только ни было въ Петербургѣ, или переїхало или переїзжало на дачу; потому что каждый почтенный господинъ солидной наружности, нанимавшій извозчика, на глаза мои тотчасъ-же обращался въ почтеннаго отца семейства, который послѣ обыденныхъ должностныхъ занятій отправляется на легкі въ нѣдра своей фамиліи, на дачу; потому что у каждаго прохожаго былъ теперь уже совершенно особый видъ, который чуть-чуть не говорилъ всякому встрѣчному: «мы, господа, здѣсь только такъ, мимоходомъ, а вотъ черезъ два часа мы уѣдемъ на дачу». Отворялось-ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькіе, білые, какъ сахаръ, пальчки, и высовывалась головка хорошенькой дѣвушки, подзывавшей разнощика съ горшками цвѣтовъ, — мнѣ тотчасъ-же, тутъ-же представлялось, что эти цвѣты только такъ покупаются, то есть вовсе не для того, чтобъ наслаждаться весной и цвѣтами въ душной городской квартирѣ, а что, вотъ, очень скоро всі переѣдутъ на дачу и цвѣты съ собою увезутъ. Мало того, я уже сдѣлаль такіе успѣхи въ своемъ новомъ, особенномъ родѣ открытій, что уже могъ безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто дачѣ живетъ. Обитатели Каменнаго и Аптекарскаго острововъ или Петергофской дороги отличались изученнымъ изяществомъ пріемовъ, щегольскими лѣтними костюмами и прекрасными экипажами, въ которыхъ они пріѣхали въ городъ. Жители Парголова и тамъ, гдѣ, подальше, съ перваго взгляда «внушали» своимъ благоразуміемъ и солидностью; посѣтитель Крестовскаго острова отличался невозмутимо-веселымъ видомъ. Удавалось-ли мнѣ встрѣтить длинную процессію ломовыхъ извозчиковъ, лѣниво шедшихъ съ возжами въ рукахъ подлѣ возовъ, нагруженныхъ цѣлыми горами

всякой мебели, столовъ, стульевъ, дивановъ турецкихъ и нетурецкихъ и прочимъ домашнимъ скарбомъ, на которомъ, сверхъ всего этого, зачастую возсѣдала, на самой вершинѣ воза, тщедушная кухарка, берегущая барское добро какъ зеницу ока; смотрѣли-ли я на тяжело нагруженныя домашнею утварью лодки, скользящія по Невѣ или Фонтанкѣ, до Черной рѣчки или острововъ, — воза и лодки удесятерились, усотерялись, въ глазахъ моихъ; казалось, все поднялось и поѣхало, все переселялось ЦѢЛЫМИ караванами на дачу; казалось, весь Петербурга грозилъ обратиться въ пустыню, такъ что, наконецъ, мнѣ стало стыдно, обидно и грустно; мнѣ рѣшительно некуда и незачѣмъ было ѣхать на дачу. Я готовъ былъ уйти съ каждымъ возомъ; уѣхать съ каждымъ господиномъ почтенной наружности, нанимавшимъ извошика; но ни одинъ, рѣшительно никто не пригласилъ меня: словно забыли меня, словно я для нихъ былъ и въ самомъ дѣлѣ чужой!

Я ходилъ, много и долго, такъ что уже совсѣмъ успѣлъ, по своему обыкновенно, забыть, гдѣ я, какъ вдругъ очутился у заставы. Въ мигъ мнѣ стало весело, и я шагнулъ за шлагбаумъ, пошелъ между засѣянныхъ полей и луговъ, не слышалъ усталости. но чувствовалъ только всѣмъ составомъ своимъ, что какое-то бремя спадаетъ съ души моей. Всѣ проѣзжіе смотрѣли на меня такъ пріятливо, что рѣшительно чуть не кланялись; всѣ были такъ рады чему-то, всѣ до одного курили сигары. И я былъ радъ, какъ еще никогда со мной не случалось. Точно я вдругъ очутился въ Италіи — такъ сильно поразила природа меня, полубольнаго горожанина, чуть не задохнувшася въ городскихъ стѣнахъ.

Есть что-то неизъяснимо-трогательное въ нашей петербургской природѣ, когда она, съ наступленіемъ весны, вдругъ выкажетъ всю мощь свою, всѣ дарованныя ей небомъ силы, опустится, разрядится, упестрится цвѣтами... Какъ-то невольно напоминаетъ она мнѣ ту дѣвушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда съ сожалѣніемъ, иногда съ какою-то сострадательною любовью, иногда-же просто не замѣчаете ея, но которая вдругъ, на одинъ мигъ, какъ-то нечаянно сдѣлается неизъяснимо, чудно-прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя какая сила заставила блистать такимъ огнемъ эти грустные, задумчивые глаза? Чтѣ вызвало кровь на эти блѣдныя, похудѣвшія щеки? Чтѣ облило страстью эти нижнія черты лица? Отчего такъ вздымается эта грудь? Чтѣ такъ

внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бѣдно и дѣвушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться такимъ сверкающимъ, искрометнымъ смѣхомъ? Вы смотрите кругомъ, вы кого-то ищите, вы догадываетесь... Но мигъ проходитъ, и, можетъ быть, на завтра-же вы встрѣтите опять тотъ-же задумчивый и разсіянный взглядъ, какъ и прежде. тоже блѣдное лицо, ту-же покорность и робость въ движеніяхъ и даже раскаяніе, даже слѣды какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлеченіе... И жаль вамъ, что такъ скоро, такъ безвозвратно завяла мгновенная красота, что такъ обманчиво и напрасно блеснула она передъ вами — жаль оттого, что даже полюбить ее вамъ не было времени...

А всетаки моя ночь была лучше дня! Вотъ какъ это было:

Я пришелъ назадъ въ городъ очень поздно, и уже пробило десять часовъ, когда я сталъ подходить къ квартирѣ. Дорога моя шла по набережной канала, на которой въ этотъ часъ не встрѣтишь живой души. Правда, я живу въ отдаленнѣйшей части города. Я шелъ и пѣлъ, потому что, когда я счастливъ, я непременно мурлыкаю что-нибудь про себя, какъ и всякій счастливый человѣкъ, у котораго нѣтъ ни друзей, ни добрыхъ знакомыхъ и которому въ радостную минуту не съ кѣмъ раздѣлить свою радость. Вдругъ со мной случилось самое неожиданное приключеніе.

Въ сторонкѣ, прислонившись къ периламъ канала, стояла женщина; облокотившись на рѣшетку, она, по видимому, очень внимательно смотрѣла на мутную воду канала. Она была одѣта въ премиленькой желтой шляпкѣ и въ кокетливой черной мантилкѣ. «Это дѣвушка, и непременно брюнетка», подумалъ я. Она, кажется, не слышала шаговъ моихъ, даже не шевельнулась, когда я прошелъ мимо, затаивъ дыханіе и съ сильно забившимся сердцемъ. «Странно!» подумалъ я. «вѣрно она о чемъ-нибудь очень задумалась», и вдругъ я остановился какъ вкопанный. Мнѣ послышалось глухое рыданіе. Да! Я не обманулся: дѣвушка плакала, и черезъ минуту еще и еще всхлипываніе болѣе мой! У меня сердце сжалось. И какъ я ни робокъ съ женщинами, но видъ это была такая минута!.. Я воротился, шагнулъ къ ней и непременно-бы произнесъ: — Сударыня! Если-бъ только не зналъ, что это восклицаніе уже тысячу разъ произносилось во всѣхъ русскихъ великосвѣтскихъ романахъ. Это одно и остановило меня. Но покамість я пріискивалъ слово, дѣвушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо

меня по пабережной. Я тотчасъ-же пошелъ вслѣдъ за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла черезъ улицу и пошла по тротуару. Я не посмѣлъ перейти черезъ улицу. Сердце мое трепетало, какъ у пойманной птички. Вдругъ одинъ случай пришелъ ко мнѣ на помощь.

По той сторонѣ тротуара, недалеко отъ моей незнакомки, вдругъ появился господинъ во фракѣ, солидныхъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ солидной походки. Онъ шелъ пошатываясь и осторожно опираясь объ стѣнку. Дѣвушка-же шла, словно стрѣлка, торопливо и робко, какъ вообще ходятъ всѣ дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобъ кто нибудь вызвался провожать ихъ ночью домой, и, конечно, качавшійся господинъ ни за что не догналъ-бы ея, если-бъ судьба моя не надоумила его поискать искусственныхъ средствъ. Вдругъ, не сказавъ никому ни слова, мой господинъ срывается съ мѣста и летитъ со всѣхъ ногъ, бѣжитъ, догоняя мою незнакомку. Она шла какъ вѣтеръ, но колыхавшійся господинъ настигалъ, настигъ, дѣвушка вскрикнула — и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этотъ разъ въ моей правой рукѣ. Я мигомъ очутился на той сторонѣ тротуара, мигомъ незванный господинъ понялъ въ чемъ дѣло, принялъ въ соображеніе неотразимый резонъ, замолчалъ, отсталъ и только, когда уже мы были очень далеко, протестовалъ противъ меня въ довольно энергическихъ терминахъ. Но до насъ едва долетѣли слова его.

— Дайте мнѣ руку, сказалъ я моей незнакомкѣ: — и онъ не посмѣетъ больше къ намъ приставать.

Она молча подала мнѣ свою руку, еще дрожавшую отъ волненія и испуга. О, незванный господинъ! Какъ я благословлялъ тебя въ эту минуту! Я мелькомъ взглянулъ на нее: она была премиленькая и брюнетка — я угадалъ; на ея черныхъ рѣсницахъ еще блестѣли слезинки недавняго испуга, или прежняго горя, — не знаю. Но на губахъ уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснѣла и потупилась.

— Вотъ видите, зачѣмъ-же вы тогда отогнали меня? Если-бъ я былъ тутъ, ничего-бы не случилось...

- Но я васъ не знала: я думала, что вы тоже...

— А развѣ вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вотъ, на примѣръ, отчего вы дрожите?

— О, вы угадали съ перваго раза! отвѣчалъ я въ восторгѣ, что моя дѣвушка умница: это при красотѣ никогда не мѣшаетъ. Да, вы съ перваго взгляда угадали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Точно!

я робокъ съ женщинами, я въ волненіи, не спору, не меньше какъ были вы минуту назадъ, когда этотъ господинъ испугалъ васъ... Я въ какомъ-то испугі теперь. Точно сонъ, а я даже и во сні не гадалъ, что когданибудь буду говорить хоть съ какойнибудь женщиной.

— Какъ? Неужели?..

— Да, если рука моя дрожитъ, то это оттого, что никогда еще ея не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, какъ ваша. Я совсѣмъ отвыкъ отъ женщинъ; то есть я къ нимъ и не привыкалъ никогда; я видь одинъ... Я даже не знаю, какъ говорить съ ними. Вотъ и теперь не знаю —не сказалъ-ли я вамъ какойнибудь глупости? Скажите мні прямо; предупреждаю васъ, я не обидчивъ...

— Нѣтъ, ничего, ничего; напротивъ. П если уже вы требуете, чтобъ я была откровенна, такъ я вамъ скажу, что женщинамъ нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мні она тоже нравится, и я не отпую васъ отъ себя до самаго дома.

— Вы сдѣлаете со мной, началъ я, задыхаясь отъ восторга:— что я тотчасъ-же перестану робить и тогда — прощай всі мои средства!..

— Средства? Какія средства, къ чему? Вотъ это ужь дурно.

— Виновата, не буду, у меня съ языка сорвалось; но какъ-же вы хотите, чтобъ въ такую минуту не было желанія...

— Понравиться, что-ли?

— Ну да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Видь вотъ ужь мні двадцать шесть лѣтъ, а я никого никогда не видалъ. Ну, какъ-же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вамъ-же будетъ выгоднѣе, когда все будетъ открыто, наружу... Я не умію молчать, когда сердце во мні говоритъ. Ну, да все равно... Повѣрите-ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! И только мечтаю каждый день, что, наконецъ-то, когданибудь я встрѣчу когонибудь. Ахъ, если-бъ вы знали, сколько разъ я былъ влюбленъ такимъ образомъ...

— Но какъ-же, въ кого-лѣ?..

— Да ни въ кого, въ идеаль, въ ту, которая приснится во сні. Я создаю въ мечтахъ цѣлые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя-же безъ того, я встрѣчалъ двухъ —трехъ женщинъ, но какія оні женщины? Это все такія хозяйки, что... Но я васъ насмішу, я расскажу вамъ, что нѣсколько разъ думалъ заговорить, такъ, запросто, съ какойнибудь аристократкой на

улиці, разуміється, когда она одна, заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю одинъ, чтобъ она не отгоняла меня, что нѣтъ средства узнать хоть какую нибудь женщину; внушить ей, что даже въ обязанностяхъ женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастнаго человека, какъ я. Что, наконецъ, и все, чего я требую, состоитъ въ томъ только, чтобъ сказать мнѣ какія нибудь два слова братскія, съ участіемъ, не отогнать меня съ перваго шага, повѣритъ мнѣ на-слово, выслушать, что я буду говорить, посміяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мнѣ два слова, только два слова, потомъ пусть хоть мы съ ней никогда не встрѣчаемся!.. Но вы смієтесь... Впрочемъ, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я сміюсь тому, что вы сами себѣ врагъ, и если-бъ вы попробовали, то вамъ-бы и удалось, можетъ быть, хоть-бы и на улиці дѣло было; чѣмъ проще, тѣмъ лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа, или особенно не сердита на что нибудь въ ту минуту, не рѣшилась-бы отослать васъ безъ этихъ двухъ словъ, которыхъ вы такъ робко вымаливаете... Впрочемъ, что я! Конечно, приняла-бы васъ за сумасшедшаго. Я видѣ судила по себѣ. Сама-то я много знаю, какъ люди на свѣтѣ живутъ.

— О, благодарю васъ, закричалъ я: — вы не знаете, что вы для меня теперь сдѣлали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мнѣ, почему вы узнали, что я такая женщина, съ которой... ну, которую вы считали достойной... вниманія и дружбы... Однимъ словомъ, не хозяйка, какъ вы называете. Почему вы рѣшились подойти ко мнѣ?

— Почему? Почему? Но вы были одинъ, тотъ господинъ былъ слишкомъ смѣлъ, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нѣтъ, нѣтъ, еще прежде, тамъ, на той стороні. Видѣ вы хотѣли-же подойти ко мнѣ?

— Тамъ, на той стороні? Но я, право, не знаю, какъ отвѣчать; я боюсь... Знаете-ли, я сегодня былъ счастливъ; я шелъ, пѣлъ; я былъ за городомъ; со мной еще никогда не бывало такихъ счастливыхъ минутъ. Вы... мнѣ, можетъ быть, показалось... Ну, простите меня, если я напому: мнѣ показалось, что вы плакали, и я... я не могъ слышать это... у меня стѣснилось сердце... О, Боже мой! Ну, да неужели-же я не могъ потосковать объ васъ? Неужели-же былъ грѣхъ почувствовать къ вамъ братское состраданіе?.. Извините, я сказалъ состраданіе... Ну, да.

однимъ словомъ, неужели я могъ васъ обидѣть тѣмъ, что невольно вздумалось мнѣ къ вамъ подойти?..

— Оставьте, довольно, не говорите... сказала дѣвушка, потупившись и сжавъ мою руку. — Я сама виновата, что заговорила объ этомъ; но я рада, что не ошиблась въ васъ... Но вотъ уже я дома; мнѣ нужно сюда въ переулочекъ; тутъ два шага... Прощайте, благодарю васъ...

— Такъ неужели-же, неужели мы больше никогда не увидимся?.. Неужели это такъ и останется?

— Видите-ли, — сказала, смѣясь, дѣвушка: — вы хотѣли сначала только двухъ словъ, а теперь... Но, впрочемъ, я вамъ ничего не скажу... Можетъ быть, встрѣтимся...

— Я приду сюда завтра, сказалъ я. — О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпѣливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! прервалъ я ее. — Простите, если я вамъ скажу опять чтонибудь такое... Но вотъ что: я не могу не придти сюда завтра. Я мечтатель; у меня такъ мало действительной жизни, что я такія минуты, какъ эту, какъ теперь, считаю такъ рѣдко, что не могу не повторять этихъ минутъ въ мечтаньяхъ. Я промечтаю объ васъ цѣлую ночь, цѣлую недѣлю, весь годъ. Я непременно приду сюда завтра, именно сюда, на это-же мѣсто, именно въ тотъ часъ, и буду счастливъ, припоминая вчерашнее. Ужъ это мѣсто мнѣ мило. У меня уже есть такія два-три мѣста въ Петербургѣ. Я далее одинъ разъ заплакалъ отъ воспоминанія, какъ вы... Почему знать, можетъ быть, и вы, тому назадъ десять минутъ, плакали отъ воспоминанія... Но простите меня, я опять забѣлся; вы, можетъ быть, когданибудь были здѣсь особенно счастливы...

— Хорошо, сказала дѣвушка, — я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже въ десять часовъ. Вижу, что я уже не могу вамъ запретить... Вотъ въ чемъ дѣло, мнѣ нужно быть здѣсь; не подумайте, чтобъ я вамъ назначала свиданіе; я предупреждаю васъ, мнѣ нужно быть здѣсь для себя. Но вотъ... ну, ужъ я вамъ прямо скажу: это будетъ ничего, если и вы придете; во первыхъ, могутъ быть опять непріятности, какъ сегодня, но это въ сторону... Однимъ словомъ, мнѣ просто хотѣлось-бы васъ видѣть... чтобъ сказать вамъ два слова. Только, видите-ли, вы не осудите меня теперь? Не подумайте, что я такъ легко назначаю свиданія... Я-бы и не назначила, если-бы... Но пусть это будетъ моя тайна! Только впередъ уговоръ...

— Уговоръ! Говорите, скажите, скажите все заранѣе; я на все согласенъ, на все готовъ, вскричалъ я въ восторге: — я отвечаю за себя — буду послушенъ, почтителенъ... вы меня знаете...

— Именно оттого, что знаю васъ, и приглашаю васъ завтра, сказала, СМЕЯСЬ, дівушка.— Я васъ совершенно знаю. Но смотрите, приходите съ условіемъ; во **первыхъ** (только будьте добры,, исполните, что я попрошу, — видите-ли, я говорю откровенно),, не влюбляйтесь въ меня... Это нельзя, увіряю васъ. На дружбу я готова, вотъ вамъ рука моя... А влюбиться нельзя, прошу васъ!

— Клянусь вамъ, **закричалъ** я, схвативъ ея ручку...

— Полноте, не клянитесь, я відъ знаю, вы способны вспыхнуть какъ **порохъ**. Не осуждайте меня. если я такъ говорю. Если-бъ вы знали... У меня тоже никого **нѣтъ**, съ кимъ-бы мнѣ можно было слово сказать, у кого-бы совѣта спросить. Конечно, не на **улицѣ-же** искать **совѣтниковъ**, да вы исключеніе. Я васъ такъ знаю, какъ будто уже мы двадцать лѣтъ были друзьями... Не правда-ли, вы не измените?..

— Увидите... только я не знаю, какъ ужъ я **доживу** хотя сутки.

— Спите покрепче; доброй ночи — и помните, что я вамъ уже **ввѣрилась**. Но вы такъ хорошо воскликнули давеча, неужели-жъ давать отчетъ въ **каждомъ** чувстве, **даже** въ братскомъ сочувствіи! **Знаете-ли**, это было такъ хорошо сказано, что у меня тотчасъ-же мелькнула мысль довериться вамъ...

— Ради Бога, но въ **чемъ?** Что?

— До завтра. Пусть это будетъ **покаместъ** тайной. **Тѣмъ** лучше для васъ; хоть издали будетъ на романъ похоже. **Можетъ** быть, я вамъ завтра-лее скажу, а, молеетъ быть, **нѣтъ**... Я еще съ вами **напередъ** поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вамъ завтра-лее все разскалеу про себя! Но что это? Точно чудо со мной совершается... Гдѣ я, Более мой? Ну, скажите, **неужели** вы недовольны **тѣмъ**, что не разсердились, **какъ-бы** **сдѣлала** другая, не отогнали меня въ самомъ началі? Двѣ минуты, и вы **сдѣлали** меня навсегда **счастливымъ**. Да, счастливымъ; **почемъ** знать, молеетъ быть, вы меня съ собой помирили, разрешили мои сомнінія... Молеетъ быть, на меня находятъ такія минуты... Ну, да я вамъ завтра все разскалеу, вы все узнаете, все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— **Согласенъ**.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы **разстались**. Я ходилъ всю ночь; я не могъ рѣшиться воротиться домой. Я былъ такъ счастливъ... до завтра!

Ночь вторая.

— Ну, вотъ и долеили! сказала она мнѣ, **СМЕЯСЬ** и **пожимая** мнѣ обе руки.

— Я здѣсь уже два часа; вы не знаете, что было со мной **цѣлый** день.

— Знаю, знаю... Но къ ділу. Знаете, **зачѣмъ** я пришла? Видь не вздоръ болтать, какъ вчера. Вотъ чтб: **намъ** нужно **впередъ** умнѣй поступать. Я обо всемъ **этомъ** вчера долго думала.

— Въ **чемъ-же**, въ **чемъ** быть **умнѣе**? Съ моей стороны, я готовъ; но, право, въ леизнь не случалось со мною ничего умнее, какъ теперь.

— Въ **самомъ ДѢЛѢ**? Во **первыхъ**, прошу васъ, не лемите такъ моихъ **рукъ**; во **вторыхъ**, объявляю вамъ, что я объ васъ сегодня долго раздумывала.

— Ну, и **чѣмъ-же** **кончилось**?

— **Чѣмъ** кончилось? Кончилось тѣмъ, что нуяено все снова начать, потому что въ заключеніе всего я рѣшила сегодня, что вы еще мнѣ совсѣмъ неизвестны, что я вчера поступила, какъ ребенокъ, какъ девочка, п, разумеется, вышло такъ, что всему виновато мое доброе сердце, то есть я похвалила себя, какъ и всегда кончается, когда мы **начнемъ** свое разбирать. И потому, чтобъ поправить ошибку, я рѣшила разузнать объ васъ **самымъ подробнѣйшимъ образомъ**. Но такъ какъ разузнавать о васъ не у кого, то вы и доллены мнѣ сами все рассказать, всю подноготную. Ну, чтб вы за **человѣкъ**? Поскорее — **начинайте-же**, рассказывайте свою **исторію**.

— **Исторію!** закричалъ я, испугавшись: — исторію! Но кто вамъ сказалъ, что у меня есть моя исторія? У меня **нѣтъ** исторіи...

— Такъ **какъ-же** вы лепли, коль **нѣтъ** исторіи? перебила она, **смѣясь**.

— Совершенно **безъ всякихъ исторій!** Такъ, **жилъ**, какъ у насъ говорится, **самъ по себѣ**, то есть одинъ совершенно, — одинъ, одинъ, **вполнѣ**, — понимаете, чтб такое одинъ?

— Да какъ одинъ? То есть вы никого никогда не видали?

— О, нѣтъ, видѣть-то вижу, — а всетаки я одинъ:

— Что-же, вы развѣ не говорите ни съ кѣмъ?

— Въ строгомъ смыслѣ — ни съ кѣмъ.

— Да кто-лее вы такой, объяснитесь! Постоите, я догадываюсь: у васъ верно есть бабушка, какъ и у меня. Она слепая и вотъ уяе целую жизнь меня никуда не пускаетъ, такъ что я почти разучилась совсѣмъ говорить. А когда я напала на тому назадъ года два, такъ она видитъ, что меня не удержишь, взяла, призвала меня, да и пришилила булавкой мое платье къ своему, — и такъ мы съ тѣхъ поръ и сидимъ по цѣлымъ днямъ; она чудокъ вяжетъ, хоть и слѣпая; а я подле нея сижу, шей или книжку въ слухъ ей читай, — такой странный обычай, что вотъ уяе два года пришилиленная...

— Ахъ, Бояе мой, какое несчастье! Да нѣтъ-же, у меня нѣтъ такой бабушки.

— А коль нѣтъ, такъ какъ это вы можете дома сидѣть?..

— Послушайте, вы хотите знать, кто я таковъ?

— Ну, да, да!

— Въ строгомъ смыслѣ слова?

— Въ самомъ строгомъ смыслѣ слова!

— Извольте, я — типъ?

— Типъ, типъ! Какой типъ? закричала дѣвушка, захохотавъ такъ, какъ будто ей цѣлый годъ не удавалось смеяться. Да съ вами превесело! Смотрите: вотъ здѣсь есть скамейка; сядемъ! Здѣсь никто не ходитъ, насъ никто не услышитъ, и — начинайте-лее вашу исторію! Потому что, уяе вы меня не увѣрите, у васъ есть исторія, а вы только скрываетесь. Во первыхъ, что это такое типъ?

— Типъ? Типъ, это оригиналъ, это такой смѣшной человѣкъ! Отвѣчалъ я, самъ расхохотавшись вслѣдъ за ея дѣтскимъ смѣхомъ. — Это такой характеръ. Слушайте: знаете вы, что такое мечтатель?

— Мечтатель! Позвольте, да какъ не знать? Я сама мечтатель! Иной разъ сидишь подлі бабушки и чего-чего въ голову не войдетъ. Ну, вотъ и начнешь мечтать, да такъ раздумаешься — ну, просто за китайскаго принца выхолеу... А видъ это въ другой разъ и хорошо — мечтать! Нѣтъ, впрочемъ, Бога знаетъ! Особенно если есть и безъ этого о чемъ думать, прибавила дѣвушка на этотъ разъ довольно серьезно.

— Превосходно! Ужъ коли разъ вы выходили за богдыхана китайскаго, такъ, стадо быть, совершенно поймете меня. Ну,

слушайте... Но позвольте: відь я еше не знаю. какъ васъ зовутъ?

— Наконецъ-то! Вотъ рано вспомнили!

— Ахъ, Более мой! Да мні и на умъ не пришло, мні было и такъ хорошо...

— Меня зовутъ — Настенька.

— Настенька! И только?

— Только! Да неужели вамъ мало, ненасытнѣй вы этакой!

— Мало-ли? Много, много, напротивъ, очень много, Настенька, добренькая вы дівушка, коли съ перваго разу вы для меня стали Настенькой!

— То-то-жѣ! Ну!

— Ну, вотъ, Настенька, слушайте-ка, какая тутъ выходитъ смѣшная исторія.

Я усілся подлѣ нея, принялъ педантски-серьезную позу, и началъ словно по писаному:

— Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть въ Петербургѣ довольно странные уголки. Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ тоже солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ, милая Настенька, выживается какъ будто совсѣмъ другая жизнь, непохожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая молеетъ быть въ тридцатомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное-пресерьезное время. Вотъ эта-то жизнь и есть смѣсь чего-то чисто-фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (увы, Настенька!) тускло-прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать: до невероятности пошлаго.

— Фу! Господи Боже мой! Какое 'предисловіе! Чтѣ-же это я такое услышу?

— Услышите вы, Настенька (мні кажется, я никогда не устану называть васъ Настенькой), услышите вы, что въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди — мечтатели. Мечтатель — если нужно его подробное опредѣленіе — не человѣкъ, а, знаете, какое-то существо средняго рода. Селится онъ большею частію гдѣ нибудь въ неприступномъ углу, какъ будто таится въ немъ далее отъ дневнаго свѣта, и ужь если заберется къ себѣ, то такъ и приростетъ къ своему углу, какъ улитка или, по крайней мѣрѣ, онъ очень похочетъ въ этомъ отношеніи на то занимательное животное, которое и животное и домъ вмѣстѣ, которое называется черепахой. Какъ вы думаете,

отчего онъ такъ **любитъ** свои четыре **стѣны**, выкрашенныя непременно зеленою краскою, **законпѣлыя**, **унылыя** и непозволительно обкуреныя? Зачемъ этотъ **смѣшной господинъ**, когда его приходитъ навестить кто нибудь изъ его **рѣдкихъ знакомыхъ** (а кончаетъ онъ тѣмъ, что знакомые у него всі переводятся), **зачѣмъ** этотъ смѣшной **человѣкъ** встречаетъ его такъ сконфузившись, такъ изменившись въ лицѣ и въ такомъ **замѣшательствѣ**, какъ будто онъ только что **сдѣлалъ** въ своихъ четырехъ стенахъ **преступленіе**, какъ будто онъ **фабриковалъ** фальшивыя **бумажки** или какіе нибудь стишки для отсылки въ **журналъ** при анонимномъ письмѣ, въ которомъ обозначается, что настоящій **поэтъ** уже умеръ и что другъ его считаетъ **священнымъ** долгомъ опубликовать его **вирши**? Отчего, **скажите** мнѣ, **Настенька**, разговоръ такъ не вялется у этихъ двухъ **собесѣдниковъ**? Отчего ни **смѣхъ**, ни какое нибудь бойкое **словцо** не слетаетъ съ языка внезапно вошедшаго и озадаченнаго **пріятеля**, который въ другомъ случае очень любитъ и смѣхъ, и бойкое **словцо**, и разговоры о прекрасномъ **полѣ**, и другія **веселыя** темы? Отчего-же, наконецъ, этотъ **пріятель**, вероятно, недавній **знакомый**, и при **первомъ** визите, — потому что втораго въ такомъ случае **уже** не будетъ и **пріятель** другой разъ не **придетъ**, — отчего самъ **пріятель** такъ **конфузится**, такъ **костенеетъ**, при всемъ своемъ остроуміи (если только оно есть у него), **глядя** на опрокинутое лицо **хозяина**, который въ свою очередь уже **совсѣмъ** успелъ **потеряться** и **сбиться** съ **ПОСЛЕДНЯГО** толка **ПОСЛѢ** **ИСПОЛНЕНСКИХЪ**, но тщетныхъ **усилій** **разгладить** и **упестрить** **разговоръ**, **показать**, и съ своей стороны, **знаніе** **свѣтскости**, тоже **заговорить** о прекрасномъ **полѣ** и хоть такую **покорностію** **поправиться** **бѣдному**, не туда **попавшему** **человѣку**, который **ошибкою** **пришедъ** къ нему въ **гости**? Отчего, наконецъ, **гость** **вдругъ** **хватается** за **шляпу** и **быстро** **уходитъ**, внезапно **вспомнивъ** о **самонуленейшемъ** **ДѢЛѢ**, котораго **никогда** не **бывало**, и кое-какъ **высвобождаетъ** свою **руку** **изъ** **жаркихъ** **пояеатій** **хозяина**, **всячески** **старающагося** **показать** свое **раскаяніе** и **поправить** **потерянное**? Отчего **уходящій** **пріятель** **хохочетъ**, **выйдя** за **дверь**, **тутъ-лее** **даетъ** **самому** **себе** **слово** **никогда** не **приходитъ** къ **этому** **чудаку**, хотя этотъ **чудакъ** въ **сущности** и **превосходнѣйшій** **малый**, и въ **толе** **время** **никакъ** не **мояетъ** **отказать** **своему** **воображенію** въ **маленькой** **прихоти**: **сравнить**, хоть **отдаленнымъ** **образомъ**, **фізіономію** **своего** **недавняго** **собесѣдника** во **все** **время** **свиданія** съ **видомъ** **того** **несчастнаго** **котеночка**, котораго **измяли**, **запугали** и **всячески** **обидели** **дѣти**, **вероломно** **захвативъ** **его**

въ плѣнѣ, сконфузили въ прахѣ, который забился, наконецъ, отъ нихъ подъ стулъ, въ темноту, и тамъ целый часъ на досуге принужденъ ощетиниваться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльце обеими лапами и долго еще после того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку съ господскаго обѣда, припасенную для него сострадательною ключницею?

— Послушайте, перебила Настенька, которая все время слушала меня въ удивленіи, открывъ глаза и ротикъ: — послушайте: я совершенно не знаю, отчего все это произошло и почему именно вы мнѣ предлагаете такіе смѣшные вопросы; но что я знаю навѣрно, такъ то, что всі эти приключенія случились непременно съ вами, отъ слова до слова.

— Безъ сомнія, отвѣчалъ я съ самою серьезной миной.

— Ну, коли безъ сомнія, такъ продолжайте, отвѣтила Настенька: — потому что мнѣ очень хочется знать, чѣмъ это кончится.

— Вы хотите знать, Настенька, что такое делалъ въ своемъ углу нашъ герой, или, лучше сказать, я, потому что герой всего дела — я, своей собственной, скромной особой; вы хотите знать, отчего я такъ переполошился и потерялся на цѣлый день отъ неожиданнаго визита пріятели? Вы хотите знать отчего я такъ вспорхнулся, такъ покраснѣлъ, когда отворили дверь въ мою комнату, почему я не умѣлъ принять гостя и такъ постыдно погибъ подъ тѣестью собственнаго гостепрійства?

— Ну да, да! отвѣчала Настенька: — въ этомъ и діло. Послушайте: вы прекрасно рассказываете, но нельзя-ли рассказывать какъ нибудь не такъ прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

— Настенька! отвѣчалъ я валенымъ и строгимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ смѣха: — милая Настенька, я знаю, что я размазываю прекрасно, но — виновать, иначе я рассказывать не умію. Теперь, милая Настенька, теперь я похожъ на духъ царя Соломона, который былъ тысячу лѣтъ въ кубышкѣ, подъ семью печатями, и съ котораго, наконецъ, сняли всі эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять послѣ такой долгой разлуки, — потому что я васъ давно уже зналъ, Настенька, потому что я уже давно кого-то искалъ, а это знакъ, что я искалъ именно васъ, и что намъ было суждено теперь свидѣться, — теперь въ моей головѣ открылись тысячи впа-

Итакъ, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и ПОСЛУШНО; иначе — я замолчу.

— Ни-ни-ни! Никакъ! Говорите! Теперь я не скажу ни слова.

— Продолжаю: есть, другъ мой, Настенька, въ моемъ дне одинъ часъ, который я чрезвычайно ЛЮБЛЮ. Это тотъ самый часъ, когда кончаются почти всякія дела, должности и обязательства, и все спешать по домамъ пообедать, прилечь отдохнуть, и тутъ-же, въ дороге, изобрѣтають и другія ВЕСЕЛЫЯ темы, касающіяся вечера, ночи и всего остающагося свободнаго времени. Въ этотъ часъ и нашъ герой, — потому что улеъ позвольте мні, Настенька, рассказывать въ третьемъ лице, ЗАТѢМЪ, что въ первомъ лице все это улеасно стыдно рассказывать, — и такъ, въ этотъ часъ и нашъ герой, который тояе былъ не безъ дела, шагаетъ за прочими. Но странное чувство удовольствія играетъ на его бледномъ, какъ будто несколько измятомъ лице. Неравнодушно смотритъ онъ на вечернюю зорю, которая медленно гаснетъ на ХОЛОДНОМЪ петербургскомъ небе. Когда я ГОВОРЮ — смотреть, такъ я лгу: онъ не смотритъ, но созерцаетъ какъ-то безотчетно, какъ будто усталый или занятый въ толее время какимъ нибудь другимъ, более ИНТЕРЕСНЫМЪ предметомъ, такъ ЧТО разве только МЕЛЬКОМЪ, почти невольно, молеетъ удѣлить время на все окружающее. Онъ доволенъ, потому что покончилъ до завтра съ досадными для него *дѣлами*, и радъ, какъ школьникъ, котораго выпустили съ классной скамьи къ любимымъ играмъ и шалостямъ. Посмотрите на него сбоку, Настенька; вы ТОТЧАСЪ увидите, что радостное чувство уже счастливо подействовало на его слабые нервы и болѣзненно-раздралеенную фантазію. Вотъ онъ о чемъ-то задумался... Вы думаете объ обѣдѣ? О сегодняшнемъ вечерѣ? На чтб ОПЪ такъ смотреть? На этого ли господина солидной наружности, который такъ картинно поклонился дамѣ, прокатившейся мимо него на рѣзвоногихъ коняхъ, въ блестящей каретѣ? НѢТЬ, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Онъ теперь уже богатъ *своею особенною жизнью*; онъ какъ-то вдругъ сталъ богатымъ, и прощальный лучъ потухающаго солнца не напрасно такъ весело сверкнулъ передъ нимъ и вызвалъ изъ согретаго сердца целый рой впечатлѣній. Теперь онъ едва замечаете ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь «богиня фантазіи» (если вы читали Жуковскаго, милая Настенька) улее заткала прихотливою рукою свою золотую основу и пошла развивать передъ нимъ узоры небывалой, причудливой жизни — и, кто знаетъ, молеетъ,

перенесла его прихотливой рукою на седьмое хрустальное небо съ превосходнаго гранитнаго тротуара, по которому онъ идетъ во-свояси. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдругъ: где онъ теперь стоитъ, по кажимъ улицамъ шелъ? — онъ навѣрно-бы ничего не припомнилъ, ни того, где ходилъ, ни того, где стоялъ теперь, и, побрасивъ съ досады, непременно солгалъ-бы чтонибудь для спасенія приличій. Вотъ почему онъ такъ вздрогнулъ, чуть не закричалъ и съ испугомъ огляделся кругомъ, когда одна очень почтенная старушка учтиво остановила его посреди тротуара и стала спрашивать его о дороге, которую она потеряла. Нахмурясь съ досады, шагаетъ онъ дальше, едва замечая, что не одинъ прохожій улыбнулся. на него глядя, и обратился ему въ слѣдъ, и что какая-нибудь маленькая дѣвочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмѣялась, посмотрѣвъ во все глаза на его широкую созерцательную улыбку и яеесты руками. Но все та-лее фантазія подхватила его на своемъ игривомъ полете и старушку, и любопытныхъ прохожихъ, и смеющуюся девочку, и мужичковъ, которые тутъ-же вечеряютъ на своихъ баркахъ. запрудившихъ Фонтанку (положимъ. въ это время по ней проходилъ нашъ герой), заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину, и съ новымъ пріобрѣтеніемъ чудака улее вошелъ къ себѣ въ отрадную норку, уже слѣдъ за обѣдъ, уяе давно отобѣдалъ и очнулся только тогда, когда задумчивая и вѣчно-печальная Матрена, которая ему прислуживаете, уже все прибрала со стола и подала ему трубку. очнулся, и съ удивленіемъ вспомнилъ, что онъ уже совсѣмъ по-обѣдалъ, решительно проглядѣвъ, какъ это сделалось. Въ комнатѣ потемнѣло; на душѣ его пусто и грустно; цілое царство мечтаній рушилось вокругъ него, рушилось безъ слѣда, безъ шума и треска, пронеслось какъ сновидѣніе, а онъ и самъ не помнитъ, чтб ему грезилось. Но какое-то темное ощущеніе, отъ котораго слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое лееланіе соблазнительно щекочете и раздражаетъ его фантазію и незамѣтно сзываете цѣлый рой новыхъ призраковъ. Въ маленькой комнатѣ царствуете тишина; уединеніе и лѣшь нѣжатъ воображеніе; оно воспламеняется слегка, слегка закипаете, какъ вода въ кофейнике старой Матрены, которая безмятежно возитса рядомъ, въ бухнѣ, стряпая свой кухарочный кофе. Вотъ оно уже слегка прорывается вспысками, вотъ улее и книга, взятая безъ цѣли и наудачу, выпадаете изъ рукъ моего мечтателя, недошедшаго и до третьей страницы. Воображеніе его снова настроено,

возбуждено, и вдругъ опять новый міръ, новая, очаровательная жизнь блеснула передъ нимъ въ блестящей своей перспективѣ. Новый сонъ — новое счастье! Новый пріемъ утонченнаго, сладострастная яда! О, что ему въ нашей действительной жизни! На его подкупленный взглядъ мы съ вами, Настенька, **живемъ** такъ лѣниво, медленно, вяло; на его взглядъ мы всі такъ недовольны нашею судьбою, такъ томимся нашею жизнью! Да и вправду, смотрите, въ самомъ ділі, какъ на первый взглядъ все меяду нами **холодно**. угрюмо, точно сердито... **Бѣдныя!** думаетъ мой мечтатель. Да и не диво, что думаетъ! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые такъ очаровательно, такъ прихотливо, такъ безбрежно и широко слагаются передъ нимъ въ такой волшебной, одушевленной картинѣ, где на первомъ плане, первымъ **лицомъ**, ужь конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особою. Посмотрите, какія **разнообразныя** приключенія, какой **безконечный** рой восторженныхъ грезъ. Вы спросите, молеетъ быть, о чемъ онъ мечтаетъ? Къ чему это спрашивать? да обо всемъ... объ роли поэта, сначала непризнанная, а потомъ увенчанная; о дружбѣ съ Гофманомъ; Варѣоломеевская ночь, Діана Вернонь, геройская роль при взятіи Казани **Иваномъ Васильевичемъ**, Клара Мовбрай, Евфія Денсъ, соборъ прелатовъ и Гуссъ передъ ними, возстаніе мертвецовъ въ Робертѣ (помните музыку? **Кладбищемъ** пахнете!), Минна и Бренда, сраженіе при Березинѣ, чтеніе поэмы у графини **В—й Д—й**, Дантонъ, Клеопатра *ei suoi amanti*, домикъ въ Коломне, свой уголокъ, а подлі милое созданіе, которое слушаете васъ, въ зимній вечеръ, раскрывъ ротикъ и глазки, какъ слушаете вы теперь меня, мой маленькій **ангельчикъ**... Нѣтъ, Настенька, **что** ему, **что** ему, сладострастному лѣнивцу, въ той леизни, въ которую **намъ** такъ хочется съ вами? Онъ думаетъ, что это бѣдная, яеалкая **жизнь**, не предугадывая, что и для него, молеетъ быть, когда нибудь пробьете грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой леалкой леизни **отдастъ** все свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастье **отдастъ**, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозбранная горя. Но покаместъ еще не настало оно, это грозное время — онъ ничего не **желаетъ**, потому что онъ выше **желаній**, потому что съ нимъ все, потому что онъ пресыщенъ, потому что онъ самъ художникъ своей леизни и **творитъ** ее себе **каждый** часъ по новому произволу. И **вѣдь** такъ легко, такъ натурально создается этотъ сказочный **фантастическій** міръ! Какъ будто и впрямь все это не призракъ! Право, верить готовъ въ иную минуту, что вся эта леизнь не возбуж-

деніе чувства, не миражъ, не обманъ воображенія, а что это и впрямь действительное, настоящее, сущее! Отчего-леъ, скажите, Настенька, отчего-же въ такія минуты стесняется духъ? Отчего-же, какимъ-то **волшебствомъ**, по какому-то неведомому произволу, ускоряется пульсъ, **брызжутъ** слезы изъ **глазъ** мечтателя, горять его **блѣдныя**, увлаженныя щеки и такой неотразимой отрадой наполняется все существованіе его? Отчего-же **ЦѢЛЫЯ** безсонныя ночи проходятъ какъ одинъ **мигъ**, въ неистощимомъ **веселіи** и счастіи, и когда заря **блеснетъ** розовымъ **лучемъ** въ окна и **развѣтъ** осветитъ утрюмую комнату **своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ**, какъ у насъ, въ Петербургі, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпаете въ замираніяхъ отъ восторга своего **болѣзненно-потрясеннаго** духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердці? Да, Настенька, обманешься и невольно **вчужѣ** согласишься, что страсть настоящая, истинная **волнуетъ** душу его, невольно согласишься, что есть **живое**, осязаемое въ его **бесплотныхъ** грезахъ! И **вѣдь** какой **обманъ**— вотъ, напримеръ, любовь сошла въ его грудь со всею неистощимую радостью, со всеми томительными мученіями... Только взгляните на него и убедитесь! **Вѣрите-ли** вы, на него глядя, милая Настенька, что действительно онъ никогда не зналъ той, которую онъ такъ любилъ въ своемъ изступленномъ мечтаніи? Неужели онъ только и **видѣлъ** ее въ однихъ обольстительныхъ призракахъ и только лишь снилась ему эта страсть. **Неужели** и впрямь не прошли они рука въ руку столько годовъ своей **жизни**— **одни**, вдвоемъ, отбросивъ весь міръ и соединивъ каледый свой міръ, свою жизнь съ яезною друга? Неужели не она, въ поздній часъ, когда настала разлука, не она **лежала**, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разыгравшейся подъ суровымъ небомъ, не слыша ветра, который срывалъ и уносилъ слезы съ черныхъ **рѣсницъ** ея? Неужели все это была мечта— и этотъ садъ, унылый, заброшенный и дикій, съ дорожками, заросшими мхомъ, уединенный, утрюмый, гдѣ они такъ часто ходили вдвоемъ, надіялись, тосковали, любили, любили другъ друга такъ долго, «такъ долго и ніжно!» И этотъ странный, **прадѣдовскій** домъ, въ которомъ **жила** она столько времени уединенно и грустно, съ старымъ, утрюмымъ мулеемъ, вѣчно-молчаливымъ и **желчнымъ**, пугавшимъ ихъ, **робкихъ** какъ дѣтей, уныло и боязливо таившихъ другъ отъ друга любовь свою? Какъ они мучились, какъ боялись они, какъ невинна, чиста была ихъ любовь и какъ (**ужь**, разумеется, Настенька) злы были люди! И, Более мой, неужели не ее **встрѣтилъ** онъ **потомъ**,

далеко отъ береговъ своей родины, подъ чулеимъ небомъ, подуденнымъ. яеаркимъ, въ дивно вѣчномъ городе, въ блескъ бала, при громі музыки, въ палаццо (непремінно въ палаццо), потонувшемъ въ морі огней, на этомъ балконі, увитомъ миртомъ и розами, гдѣ она, узнавъ его, такъ поспешно сняла свою часку и. прошептавъ: «я свободна», задрожавъ, бросилась въ его объятія, и, вскрикнувъ отъ восторга, прижавшись другъ къ другу, они въ одинъ мигъ забыли и горе и разлуку, и всѣ мученія, и утрюмый домъ, и старика, и мрачный садъ въ далекой родині, и скамейку, на которой, съ послѣднимъ страстнымъ поцалуемъ, она вырвалась изъ занѣмѣвшихъ въ отчаянной мукі объятій его... О, согласитесь, Настенька, что вспорхнешься, смутишься и покраснѣешь какъ школьникъ, только что запихавшій въ карманъ украденное изъ сосѣдняго сада яблоко, когда какой нибудь длинный, здоровый парень, весельчакъ и балагуръ, вашъ незванный пріятель, отворите вашу дверь и крикнете, какъ будто ничего не бывало: «а я, братъ, сію минуту изъ Павловска!» Более мой! Старый графъ умеръ. настаете неизреченное счастье, — а туте люди прѣзжаютъ изъ Павловска!

Я патетически замолчалъ. кончивъ мои патетическіе возгласы. Помню, что мне ужасно хотѣлось какъ нѣбудь черезъ силу захохотать, потому что я уяе чувствовалъ, что во мне зашевелился какой-то враждебный бисенокъ, что мнѣ уяе начинало захватывать горло, подергивать подбородокъ. и что все боліе и боліе влажнѣли глаза мои... Я ожидалъ, что Настенька, которая слушала меня, открывъ свои умные глазки, захохочетъ всѣмъ своимъ дѣтскимъ, неудержимо-веселымъ сѣхомъ, и уяе раскаивался, что зашелъ далеко, что напрасно рассказалъ то, чтб уяе давно набибло въ моемъ сердці, о чечъ я могъ говорить какъ по писаному, потому что уяе давно приготовилъ я надъ самимъ собой приговоръ, и теперъ не удержался, чтобъ не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймутъ; но, къ удивленно моему, она промолчала, погодя немного, слегка пожала мнѣ руку и съ какимъ-то робкимъ участіемъ спросила:

— Неулеели и въ самомъ ділі вы такъ прожили всю свою леизнь?

— Всю леизнь, Настенька, отвѣчалъ я: — всю яеизнь и, кажется, такъ и окончу!

— Пить, этого нельзя, сказала она безпокойно: — этого не будетъ; этакъ, полеалуй, и я проживу всю яеизнь подле бабушки. Послушайте, знаете-ли, что это вовсе нехорошо такъ жить?